

Доктор Кнут Хайм, Притчи, лекция 7

Персонафицированная мудрость. Часть 2.

© 2024 Кнут Хайм и Тед Хильдебрандт

Это доктор Кнут Хайм в своем учении по книге Притчей. Это сеанс номер семь, метафоры и персонафицированная мудрость, часть вторая.

Добро пожаловать на седьмую лекцию по библейской книге Притчей.

В этой лекции мы рассмотрим вторую часть нашего исследования теории метафор, современную теорию метафор. А еще мы рассмотрим еще несколько важных текстов книги Притчей, в которых олицетворяется мудрость. Итак, позвольте мне начать с первой части, посвященной теории метафор.

И я хочу начать с более подробного изучения тех прорывных идей, которые были представлены в третьем издании «Метафоры и мысли», опубликованном в 2008 году и теперь озаглавленном «Кембриджский справочник по метафоре и мысли». А если вы интересуетесь теорией метафор, это фантастическая книга. Это недешево, но стоит каждого пенни, чтобы исследовать действительно передовые или довольно близкие к передовым рубежи современной теории метафор.

Оно ознаменовало огромный сдвиг парадигмы, и его редактировал Рэймонд Гиббс, который справедливо утверждал, что это наиболее полный сборник эссе по междисциплинарной метафорической науке, когда-либо опубликованный. Гиббс отметил, что в настоящее время существует огромное количество эмпирических работ из многих академических дисциплин, которые ясно демонстрируют повсеместное распространение метафоры как в повседневном языке, так и в специализированном языке, как в абстрактном мышлении, так и в эмоциональных переживаниях людей. Теперь мы можем более полно и реалистично описать тот существенный вклад, который метафора вносит в человеческое познание, общение и культуру.

В частности, эмпирическое исследование метафоры раскрывает ее важность для теории сознания и значения, показывая выдающееся положение метафорических мыслей в повседневной жизни. Гиббс отметил, цитирую, чудесное взаимодействие между фундаментальной и прикладной наукой, так что открытия о том, как метафоры используются в контекстах реального мира, налагают важные ограничения на общие теории метафоры, конец цитаты. В настоящее время растет консенсус в отношении того, что метафора представляет собой важный компонент более широкой системы человеческого познания и коммуникации, что приводит к растущему убеждению, подкрепленному постоянно растущими доказательствами того, что вербальная

и невербальная метафора не требует чрезвычайных человеческих усилий для создания и создания. понял.

Я снова цитирую Гиббса: метафора возникает в результате взаимодействия мозга, тела, языков и культуры, конец цитаты, и преобладает в других областях человеческого опыта, включая жесты, искусство и музыку. Это, конечно, контрастирует с традиционными размышлениями о метафоре, включая большую часть первого и большую часть второго издания «Метафоры и мысли», опубликованных в 1979 и 1993 годах соответственно, в которых основное внимание уделяется тому, как люди понимают новый метафорический язык с неявным смыслом. предположение, что создание этих поэтических фигур приписывалось особым личностям, обладающим значительными художественными талантами, как объясняет Гиббс. Внимание к тому, как метафоры используются реальными людьми в естественных контекстах, раскрывает то, что Гиббс называет парадоксом метафоры, а именно то, что метафоры одновременно обыденны и зрелищны.

Процитируем его еще раз: метафора креативна, нова, культурно чувствительна и позволяет нам выйти за пределы обыденного, в то же время укоренившись в распространенных моделях телесного опыта, общих для всех людей, конец цитаты. Метафора способна изменить воображение, наше воображение. Он обладает способностью создавать новые способы понимания, часто сопровождающиеся особыми эстетическими удовольствиями, в то время как творческие поэтические метафоры могут в то же время быть продолжением устойчивых схем метафорического мышления и не обязательно должны создаваться заново.

Исследования, которые фокусируются на концептуальном и воплощают в себе основы метафорического мышления, могут установить связь между тем, что одновременно является обычным и впечатляющим в метафоре. Эти новые открытия привели нас к захватывающему междисциплинарному этапу в исследованиях метафор. Теперь я хочу обратиться к исследованию современной теории метафор и, подождите, метаметафорической природы разговоров о метафоре.

Итак, метафора — сложная вещь, о которой нужно думать и понимать. Итак, по иронии судьбы, чтобы лучше понимать метафоры, мы вынуждены или обогащаемся, чтобы использовать метафорический язык, чтобы понять его. Вот так.

Типично негативный пример метафорического разговора о метафорах, или метаметафорического разговора, — это хорошо известное описание метафор Дж.Б. Кэрда, весьма уважаемого библеиста. Оно широко используется в языке и

образах Библии начиная с 1980 года. И вы, конечно, заметите, что это до-Лакехофф .

Кэрд подчеркивает значение метафоры, используя аналогию с линзой. И я должен сказать, что эта аналогия оказала большое влияние на библейские исследования, но, к сожалению, я думаю, что она очень вредна для нашего понимания того, как на самом деле работают метафоры. Но вот формулировка Кэрда.

Цитирую: когда мы смотрим на объект через линзу, мы концентрируемся на объекте и игнорируем линзу. Метафора – это линза. Это как если бы говорящий говорил: «Просмотри это и увидишь то, что я видел».

То, что вы бы никогда не заметили без объектива. Это метаметафорическое объяснение того, что такое метафора, одновременно убедительно в своей красоте и пугающе обманчиво в своей неясности. Это особенно красноречивая формулировка, но она неверна.

Это основано на том, что сейчас часто называют или сейчас часто называют теорией орнамента метафоры. Хотя Кэрд правильно подчеркивает, что метафоры дают уникальный способ видения, концепция, выраженная посредством метафоры, которая была бы невозможна без метафоры, сама радость его метафоры, объясняющая природу и функцию метафоры, по иронии судьбы вводит в заблуждение. Он говорит, что когда мы смотрим на объект через линзу, мы концентрируемся на объекте и игнорируем линзу.

Однако само утверждение: «Посмотри сквозь это и увидь то, что ты никогда бы не заметил без линзы», с необходимостью подразумевает, что метафорическое выражение само по себе необходимо и необходимо для познавательного процесса. Метаметафора Кэрда также вводит в заблуждение по ряду других причин. Во-первых, метафора обычно используется не для описания чего-то, на что человек никогда раньше не обращал внимания, а для описания того, что известно, но недостаточно понятно.

Во-вторых, большинство линз, пригодных для этой цели, не делают ничего другого, кроме увеличения. А так помогает нам увидеть только то, что мы уже видели и без этого, только масштабнее. Да, мы можем видеть меньшие части объекта, невидимые для естественного зрения, но это все.

И даже когда линза действительно помогает нам увидеть что-то по-другому, обязательно неисправная линза искажает объект, который мы созерцаем. Поэтому я хочу подчеркнуть, что метафорическое выражение абсолютно необходимо как для значения того, что выражается, так и для мышления, которое осуществляется с помощью метафоры. И я называю это

метафоричностью, внутренней и необходимой ценностью метафорических выражений как таковых, в отличие от утверждений, подобных утверждению Кэрда, которое мы только что рассмотрели.

Напротив, я полагаю, что нам нужно придерживаться самого метафорического выражения, чтобы полностью оценить его вклад в то, что сообщается. И в каком-то смысле я пытался продемонстрировать это в первой части своего исследования персонификации мудрости, особенно в отношении метафоры приобретения мудрости, как мы исследовали ее ранее. В свою очередь, теперь я действительно хочу использовать метаметафору, чтобы объяснить процесс метафорической коммуникации.

Идея в том, что метафорическое выражение — это, подождите, ход мыслей. И вы заметили, что я на самом деле использую метаметафору, которая уже распространена в английском языке? Мы следуем за ходом мыслей, следуем за ходом мыслей, поддерживаем ход мыслей и так далее. Мы регулярно используем это выражение именно для того, чтобы помочь нам думать о мышлении.

Метафоры можно сравнить с ходом мыслей, возрождающим, казалось бы, мертвую метафору. Это вовсе не смерть. На самом деле это всегда было полезно.

Они приглашают путешественника разума подняться на борт и отправиться в путешествие воображения. Видите ли вы, что с этим систематическим представлением о метафоре как ходе мысли связана целая система других метафор? Итак, мы находимся в путешествии воображения, где общие места, связанные с метафорой, на самом деле являются ориентирами на пути. Метафора как ход мыслей отправляет нас в путешествие открытий, во время которого наше восприятие и взаимодействие с сущностью, которую выражает метафора, расширяются.

Пойдем со мной. Объект созерцания, который мы надеемся понять с помощью метафоры, — это конец путешествия, пункт назначения нашего мысленного путешествия. Билет, который мы выбрали, кстати, обратный.

Мы можем пройти весь путь до конечного пункта назначения мысли и вернуться обратно. Однако с возможностью путешествовать приходит и дополнительная ответственность. Выбранный нами ход мыслей ведет нас по траектории, по пути, predetermined природой выбранного нами транспортного средства.

Еще одна метафора. Этот поезд доставит нас лишь до определенного момента, и вполне может наступить момент, когда ориентиры станут незнакомыми, и

больше не будет связанных с ними общих мест. Придет время, когда пребывание в поезде унесет нас дальше от нашей цели понимания, а не приблизит к ней.

Мы слишком долго пробыли в поезде. Мы пропустили нашу выходную станцию. В конце концов мы понимаем, что пора сойти с поезда.

Эта метафора, средство передвижения, которое мы выбрали, соответствовало расстоянию, приближая нас к цели понимания. Но теперь пришло время перемен. Эта метафора привела нас на мысленную ретрансляционную станцию, где мы можем поймать другой автомобиль.

Будь то другая линия поезда, это еще одна метафора, или заменяющий автобус, это сравнение, такси, которое будет метонимией, или арендованный автомобиль, это будет синекдоха. Это еще больше приблизит нас. Обратите внимание, что все транспортные средства в моей метаметафоре являются видами общественного транспорта, это сознательный выбор, чтобы подчеркнуть, что метафоры являются общим благом.

Однако, наконец, стоит задуматься о той части пути, когда мы не были уверены в том, следует ли нам продолжать движение на том же поезде или сделать пересадку. Мы можем сойти в любой момент, но чем раньше мы это сделаем, тем меньше у нас будет уверенности в том, подошли ли мы к нашей цели настолько близко, насколько мог нас доставить этот поезд. Таким образом, мне кажется, что оставаться на более длительный срок имеет смысл и даже имеет решающее значение для расширения границ нашего понимания.

Только выйдя за пределы знакомых ориентиров, общих мест, которые все узнают, мы мгновенно сможем достичь действительно новых идей. Это беспроигрышная ситуация, поскольку даже когда наш поезд увозит нас за пределы того места, куда мы хотели поехать, мы можем (здесь метафорическая аналогия с поездами немного нарушается) в воображаемом мире метафорического мысленного путешествия мгновенно сойти на берег. Запомните, у нас есть обратный билет, и мы проследим наше путешествие, прыгнув прямо туда, где, как мы теперь знаем, нам следовало сойти в первую очередь, и сядем на другое средство метафорического транспорта, которое приблизит нас к месту назначения.

Итак, это действительно моя метаметафора хода мыслей, призванная объяснить важность метафоричности. В традиционных теориях метафор и их приложениях метафоры были необязательными, как линза в примере Кера. Только там, чтобы разукрасить, сделать что-то поинтереснее, а реально от этого как можно быстрее избавиться.

В новом понимании теории метафор метафорическое выражение имеет важное значение для умственного и когнитивного прогресса, и это совершенно справедливо. Итак, как я буду исследовать во второй части лекции 7, когда мы будем рассматривать дальнейшие тексты о персонификации мудрости, мы постараемся действительно придерживаться и продолжать придерживаться метафоры персонификации, чтобы помочь нам понять мудрость и интеллектуальный процесс. стать мудрым на гораздо более глубоком уровне, чем это было возможно до недавнего времени. Во второй части лекции 7 мы применим дальнейшие знания, полученные нами в области теории метафор, к дальнейшему чтению ключевых текстов о персонификациях в Книге Притчей.

Сначала мы обратимся к главе 7, стихам с 4 по 5, и чтобы помочь нам разобраться в аргументах, я просто прочитаю вам эти два стиха. Скажи мудрости: ты сестра моя, и назови пронизательность своим близким другом, чтобы они уберегли тебя от распутной женщины, от прелюбодейки с ее ласковыми словами. Мудрость здесь явно персонифицирована, но сопоставление императива в стихах 4–5 с тремя предшествующими императивами в стихах 1–3, а именно хранить и связывать учение Отца, еще раз предполагает, что мудрость здесь олицетворяет учение Отца.

Олицетворение не ограничивается только стихом 4, в котором говорится: «Скажи мудрости, ты - моя сестра» и называй пронизательность другом, но также продолжается и в стихе 5, хотя использованная там форма глагола, инфинитив, не является специфически женским родом. Майкл Фокс в своем комментарии хорошо изложил смысл этого стиха. Цитирую: В этом стихе говорится о мудрости, как если бы она была человеком.

В формулировке сохранено «как бы», в отличие от глав 8–9, где мудрость последовательно трактуется как личность. Этот стих говорит нам относиться к мудрости как к личности, но не описывает ее как личность. Точкой сравнения является природа самих отношений.

Сестра в «Песне Песней» и, кстати, в египетских песнях о любви — это выражение нежности по отношению к возлюбленному. В этом смысле сестра представляла бы собой полный контрапункт незаконным эротическим отношениям, описанным в остальной части главы. Тем не менее, сестра может выражать близость и привязанность, не подразумевая эротического влечения.

Так, в «Песне Песней» и египетских песнях о любви слово «сестра» означает нежность к возлюбленному. Однако, поскольку друг во второй строке стиха может относиться и к другу-мужчине, эротический подтекст слова «сестра» не находится на переднем плане. В «Песне Песней» термин «сестра» появляется четыре раза: в 4:9, 10 и 12, а также в 5:1, каждый раз в сочетании «моя сестра», «моя невеста» как обращение мужчины к своей возлюбленной.

Но невеста-близнец в «Притчах» не появляется, поэтому эротический подтекст, заложенный в песне, здесь еще более приглушен. Сестра может просто означать семейное или кровное родство. Но Мерфи в своем комментарии подумал, что, цитирую, язык явно эротический, и этого достаточно, чтобы конкретизировать символизм, лежащий в основе отрывка, конец цитаты.

Однако, как мы видели, этот язык менее эротичен, чем в «Песне Песней», и даже там он упоминается скорее через вызывающую воспоминания поэзию, чем явно. Как отметил Фокс, сестра может выражать близость и привязанность, не подразумевая эротического влечения. Однако в контексте всей главы присутствует тонкий романтический подтекст, по крайней мере, на заднем плане.

Это предполагает положительную альтернативу незаконным, откровенно эротическим отношениям со странной женщиной, которые не одобряются в остальной части главы 7. И снова персонификация явно остается на литературном уровне. Женственность мудрости не существенна для данного конкретного случая персонификации. Этот стих призывает нас относиться к мудрости как к личности, но он не изображает ее таковой, как предположил Фокс.

Точкой сравнения является природа самих отношений. Дружба с мужчиной, привязанность к сестре и романтическая любовь — каждое из них может одинаково хорошо выразить рекомендуемые отношения. Примечательно, что это эгалитарные отношения, типичные между людьми.

Это отличается от главы 1, стихов 22–33, глав 8, 1–36 и главы 9, в которых изображены асимметричные отношения между людьми и полностью персонифицированной мудростью в форме возвышенной женской мудрости. Спасибо. Теперь мы переходим к 8-й главе Притчей. Конечно, это очень длинная глава, состоящая из 36 стихов, и вся она находится в очень расширенной и очень сложной персонификации.

В лекции такого стиля мы не можем сосредоточиться на каждом отдельном стихе, но я выделю ряд наблюдений в первой части главы, а затем сосредоточусь особенно на главах, посвященных стихам 22, стиху 30 и стихам 32–36. Большая часть моего обсуждения здесь будет проводиться в диалоге, а часто либо в подтверждении, либо в критике превосходного взаимодействия Брюса Уолтке с этой главой. Иногда я согласен, иногда не согласен с ним.

Я многому научился благодаря его участию, но часто мне кажется, что мое понимание теории метафор ведет меня на один или два шага дальше, чем то, что я видел в работах Вальтке. Когда мы обращаемся к исследованию

персонификации мудрости в Притчах 8, три аспекта играют жизненно важную роль для ее интерпретации. Во-первых, олицетворение мудрости по своему характеру не отличается от олицетворений из предыдущих глав.

Все, что было сказано в главах 1–7, способствует представленному здесь восприятию персонифицированной мудрости, и наоборот. Во-вторых, мудрость в Притчах 8 персонифицируется на протяжении всей главы, а не только в стихах 22-31, которые сыграли чрезвычайно выдающуюся роль в истории восприятия персонифицированной мудрости. Таким образом, следствию необходимо проанализировать персонифицированную мудрость на фоне всей главы.

Тем не менее, и это третий аспект, причины, которые привели к столь необычайно богатой истории восприятия стихов 22-31, должны быть подробно изложены и серьезно восприняты при интерпретации главы в целом и ее вклада в богатую историю человечества. Гобелен персонифицированной мудрости в Притчах 1–9 в целом. Мы уже упоминали об этом: 8-я глава Притчей содержит самое длинное и благоприятное олицетворение мудрости во всей книге. Ближайшими формальными параллелями самовосхвалению персонифицированной мудрости являются месопотамские гимны, в которых божество восхваляет себя от первого лица.

В более широком контексте Притчей 1–9, как заметил Вальтке, мудрая речь соответствует стихам 22–33 Притчей 1. Цитирую, олицетворение мудрости у городских ворот — это предпоследний перикоп в прологе, уравнивающий параллельную олицетворение во второй от начала. Обстановка, адреса и словарный запас этих двух обращений к мудрости схожи, и сходны и их выводы, противопоставляющие судьбы тех, кто ее слушает, и тех, кто ее отвергает.

Тем не менее, Вальтке также указала на различия между позицией персонифицированной мудрости в Притчах 1 и Притчах 8. Цитирую: в своем первом обращении к легковерным она предположила, что они безвозвратно отвергли ее, чтобы она могла доказать свою точку зрения, что второго варианта не существует. шанс после приговора. Но здесь она по-прежнему предоставляет им возможность проявить внимание и обрести моральное понимание. Вальтке, казалось, был доволен тем, что противоречия и несоответствия его интерпретаций 1-22-33 и 8-1-5 стояли рядом.

Напротив, здесь мы находим случай, когда более раннее олицетворение мудрости необходимо перечитать в свете более позднего отрывка. В частности, кажущуюся безвозвратность судьбы юношей в последующих главах Притчей 1–20 не следует понимать буквально, а следует понимать как преувеличение ради риторического эффекта. А теперь я хочу сказать кое-что об общей структуре мудрой речи в Притчах 8. Она распадается на семь частей с введением в стихах 1-10, на две части собственно основной урок, в стихах 11-31 впадающий в

четыре меньшие части и заключение в стихах 32–36, которые часто игнорируются учеными.

Ну, не полностью игнорируется, но и не воспринимается так серьезно, как, по моему мнению, следует воспринимать, как я собираюсь показать. Нижеследующее представляет собой небольшую адаптацию плана Вальтке, который, в свою очередь, принял и адаптировал анализ структурного анализа Раймонда ван Леувена в своем комментарии. На самом деле, я не буду делать этого сейчас, потому что это во многом повторение того, что я уже сделал, а сосредоточусь снова на структурном анализе Вальтке, который особенно полезен в отношении основной части речи о персонифицированной мудрости.

Цитирую: Мудрость развивает свой панегирик, то есть свое чрезмерно высокое самовосхваление, в две равные половины по десять стихов. Первое относится к историческому времени (стихи 12–21), а второе — к первобытному времени (стихи 22–31). Первая представляет собой передающиеся качества мудрости, такие как совет, понимание и сила, которые позволяют королям править и даруют богатство и честь своим любовникам.

Второе относится как к ее божественному зачатию раньше остального творения, наделяющему ее явным благородством, компетентностью и властью, так и к ее восторгу от того, как Господь сотворил космос, вместив в себя обитаемую землю, в стихах 22-31. В первых стихах представлена персонифицированная мудрость в роли говорящего, который озвучивает утверждения, изложенные в оставшейся части главы. Существует так много замечательных заявлений об уникальном характере и статусе персонифицированной мудрости, что список кратких изложений, возможно, может быть лучшим способом представить данные.

Во-первых, местонахождение мудрости и ее аудитория в стихах 1-4. Она располагается внутри города на главном перекрестке и у городских ворот, где в конечном итоге должен пройти каждый и где ее лучше всего услышит как можно больше людей. Ее призыв практичен и осязаем, но в то же время универсален: он обращается не только к жителям города, но и к гостям и путешественникам, ко всем, кто попадает в диапазон ее голоса.

Возможно, что стих 2 относится к главным дорогам в открытой местности. Вопреки ожиданиям, речь мудрости не адресована конкретно мужчинам, несмотря на обращение во множественном числе мужского рода. Форма множественного числа — это обычное финикийское множественное число, как указал Вальтке, но выбор необычного варианта следует понимать как родовой мужской род множественного числа, обращенный к людям в целом.

Эта интерпретация подтверждается второй полустрочкой, где выражение «сыны Адама» означает человечество в целом, мужчин и женщин, молодых и старых, богатых и бедных, израильтян и иностранцев. Эта фраза снова появляется в стихе 31 и таким образом обрамляет речь Мудрости. Каким бы высоким ни было ее происхождение и положение, мудрость заботится о людях, даже менее достойных, и разыскивает их.

Это заявление взято из комментария Майкла Фокса. Мудрость представляет свое послание каждому, и она представляет его там, где конкуренция наиболее жесткая, не конкуренция со стороны других ораторов, а со стороны повседневных отвлекающих факторов бизнеса, политики и споров. Мудрость, далекая от эзотерической или академической, погружается в самую гущу этой суеты и суеты, чтобы достучаться до людей там, где они есть, снова используя слова из комментария Майкла Фокса.

Аналогичное заявление можно найти в комментарии Вальтке. Мудрец, передающий наследие Соломона, не запирается в монастыре, в эзотерическом кругу ученых или религиозных людей, или даже исключительно у себя дома. Скорее, возможно, как старейшина у ворот, он дает о себе знать на рыночной площади, где конкуренция за сердца людей самая ожесточенная.

Я с этим согласен, только мне кажется, что Вальтке позволил себе здесь скатиться на мужской язык, сводя и демегафоризируя олицетворение женской мудрости в слова мужчины-мудреца. Опять же, я считаю, это одна из тех типичных ошибок раннего понимания метафоры, когда женская персонификация рассматривается как второстепенная по отношению к смыслу сказанного. То обстоятельство, что мудрость здесь адресована всем, включая женщин, на мой взгляд, является значительным шагом вперед по сравнению с началом книги, которая адресована исключительно мужчинам.

Хотя многие, хотя и не все, практические советы в следующих главах 10–31 Книги Притчей по-прежнему будут ориентированы на мужскую аудиторию, центральное обращение персонифицированной мудрости в книге адресовано всем. Притчи 8:14-16 подтверждают это по двум причинам. С одной стороны, термины, обозначающие различных влиятельных фигур, охватывают всех правителей, а не только израильтян.

С другой стороны, как отметил Вальтке, эти правители не являются единственными бенефициарами щедрости персонифицированной мудрости. Прочитайте его, вспомните, что она обращается к обывателю, а не к избранным. Каких успехов имеют князья в своем хорошем правительстве.

Мудрость обещает *mutatis mutandis* всем своим возлюбленным. Конец цитаты. Итак, мы только что рассмотрели местонахождение Премудрости и ее аудиторию в стихах 1-4.

Теперь мы просмотрим оставшуюся часть стихов 5-21 и начнем с ценности мудрости как второго пункта. Ценность мудрости. К персонифицированной мудрости в Притчах 8 стоит прислушаться, поскольку учиться у нее неизмеримо ценно.

То, чему она учит, надежно и этически обосновано (стихи 6–9). Она более ценна, чем самые дорогие сокровища, стихи 10-11, тема, которая уже звучит в Притчах 3. Вальтке метко комментирует, цитирую, она должна подчеркнуть ценность своих слов, потому что ее трудно продать. Ей есть что сказать и неприятные вещи, и неприятную правду.

И она говорит о самодисциплине, а не о потакании своим слабостям. Речь неверной жены сладка вначале и горька в конце, как утверждается в главе 7. Речь мудрости требует дисциплины в начале и обещает жизнь в конце.

Конец цитаты. Мотивация слушать речь олицетворенной мудрости в Притчах 8 и, как следствие, все учение в книге Притчей, таким образом, двоякая. К мудрости стоит прислушиваться из-за ее внутренних ценностей и добродетелей.

И ее стоит послушать, потому что послушание ее учению приносит конкретные социальные и финансовые выгоды, ведущие к значительному улучшению образа жизни. Возможно, самым важным следствием первых разделов 8-й главы Притчей является возобновление приглашения, предлагающего сознательный выбор. Теперь мы обратимся к самовосхвалению мудрости.

В Притчах 8:12 говорится, что она живет с пронизательностью, знанием и осмотрительностью. Те же интеллектуальные качества упоминаются во вступительной книге к Притчам, Притчи 1.4, которую мы обсуждали в Уроке 2. Это предполагает, что речь олицетворенной мудрости тесно интегрирована в общий замысел всей Притчи 1-9 и, действительно, вся книга. Мудрость — это передающаяся добродетель, что особенно заметно в разделах, посвященных персонифицированной мудрости.

Что означает, что персонифицированная добродетель может быть передана? По мнению Вальтке, образ мудрости, обретающей знания и благоразумие, означает, что, цитирую, мудрость сама моделирует роль верующего искателя добродетели (конец цитаты), указывая на то, что, цитирую еще раз, эти добродетели неотделимы от мудрости (конец цитаты). Возможно, это и так, но здесь есть еще один интересный аспект. Олицетворенная мудрость в Притчах 8 может изображать себя как дух Божий.

В стихах 14–16 мудрость подробно описывает свою роль в человеческих делах, перечисляя дары, которые она дарует тем, кто правит обществом, советы, компетентность и власть — важные составляющие эффективного государственного управления. Две важные параллели предполагают тождество персонифицированной мудрости с духом Божиим. Во-первых, в Иов 12-13 мудрость, сила и совет являются атрибутами Бога.

Во-вторых, дух Господа, который должен покоиться на идеальном мессианском царе, описанном в Исаии 11-2, описывается как, цитирую, дух мудрости и понимания, дух совета и силы, дух знания и страха перед Господь. Вальтке прокомментировал 8–14 следующим образом, проводя прямые параллели с Новым Заветом. Цитирую, этот набор атрибутов очень приближает мудрость к самому Господу, ибо, согласно Иову 12-13, Он тоже обладает тем, что Она называет своим имуществом.

Эти небесные качества нужны правителю, см. 8-15. Исаия приписывает динамичный дух Господа как их посредника мессианскому царю, Исайя 11-2, но мудрость посредничает между ними тем, кто любит ее. Только Иисус Христос достиг их в совершенстве и стал мудростью от Бога для Своей церкви, см., например, 1 Коринфянам 1-30 и многие другие отрывки Нового Завета.

Поскольку мудрость как олицетворение является воплощением этих интеллектуальных качеств, утверждение о том, что она обитает в одном из них и находит остальные, не следует понимать буквально. Возможно, здесь у нас есть аналогия, которая поможет нам лучше понять, что означает выражение «Бог приобретает мудрость» в Притчах 8–22. С другой стороны, однако, эта фигура предполагает, что мудрость как олицетворение отличается от добродетелей или качеств, которые она воплощает.

Поскольку она обладает ими, она также может передавать их людям, как сказано в стихах 14-16. У меня есть хорошие советы и здравая мудрость. У меня есть понимание.

У меня есть сила. Мною цари правят, и правители постановляют справедливое. Мною правят правители и вельможи, все, кто правит справедливо.

Примечательно, однако, что способ, которым персонифицированная мудрость передает качества, которыми она обладает, заключается в передаче себя человеческим королям и правителям, которые царствуют и управляют с ее помощью. Образы наводят на мысль о чем-то большем, чем просто литературный прием, и ближайшая аналогия, которую мы можем придумать, — это то, как Иисус из Назарета говорит о себе, и то, как Павел из Тарса говорит о

Святом Духе в Новом Завете. Олицетворенная мудрость в Притчах 8 — это универсальный дар всему человечеству.

Мною правят все цари и правители постановляют справедливое. Мною правят правители и вельможи, все, кто правит справедливо. Стихи 15-16.

Этот универсализм еще более отчетливо проявляется на фоне Варуха 3 и Бен-Сира 24, которые делают персонифицированную мудрость исключительно израильским феноменом. Таким образом, олицетворенная мудрость в Притчах является единственным распространителем даров Духа. Стихи 14–16 поясняют, что мудрость — это не одна из нескольких добродетелей и божественных качеств, дарованных людям, а та, которая дарует все остальные.

Теперь я обращаюсь к персонифицированной мудрости в Притчах 8 как к социальному существу. Мудрость жаждет любить и быть любимой. Хотя эта идея появляется и в других местах Притчей, например, в 4:6, 7:4, 29:3 и, возможно, также в 8:34-35, наиболее однозначно она выражена в Притчах 8. Стих 17 гласит: «Я люблю тех, кто любит меня, и тех, кто ищет меня». старательно найди меня.

В стихе 21 повторяется фраза: те, кто любит меня. А в стихе 31 олицетворенная мудрость описывает, как она наслаждалась родом человеческим от начала творения. Майкл Фокс метко замечает: быть мудрым — это не только знать мудрость, но и любить ее и искать ее.

Хотя, возможно, лучше было бы говорить о поиске и любви к ней. Вальтке также отметил изменение тона после первого появления персонифицированной мудрости. В 1.20-33 она использовала угрожающую речь.

Здесь она говорит только на языке любви. Хотя он признавал полную взаимность любви между мудростью и ее искателями, настойчивое отождествление Вальтке персонифицированной мудрости с учением книги снова выходит на передний план в следующем утверждении, цитирую, персонификация означает, что, когда учение мудреца запоминается с духовная привязанность, они впитаются в характер человека, конец цитаты. Трудно устоять перед впечатлением, что что-то теряется в этом интерпретативном толковании описания персонифицированной мудрости отношений, которые она предлагает тем, кто ее ищет.

Я люблю тех, кто любит меня, и те, кто усердно ищет меня, найдут меня. Я хожу путем праведности, наделяя богатством любящих Меня и наполняя сокровищницы их, 8:17-21. Например, как отмечал сам Вальтке, аналогичные библейские утверждения делаются и по поводу отношений человека с Богом. Например, тех, кто почитает меня, я буду почитать, а к презирающим меня

будут относиться с презрением, 1 Царств 2:30. См. также 2 Царств 22:26, что, конечно же, идентично Псалму 18:26. А еще фраза «Господь хранит всех любящих Его» в Псалме 145:20. В египетской литературе мудрости также есть аналогичные утверждения.

Например, Та любит всех тех, кто любит его и кто его просит, а Бог любит того, кто любит его. Легко увидеть, как последующие поколения распознавали божественные черты в олицетворении мудрости. Теперь я перехожу к стихам 22-31.

Остальная часть второй части, или, лучше сказать, даже вторая и третья части 8-й главы Притчей, распадаются на две части равной длины. Стихи 22-26 о происхождении мудрости до творения, а стихи 27-31 о ее присутствии на праздновании во время творения. А Брюс Уолтке обнаружил тематический хиазм, связывающий две части вместе.

А. Истоки мудрости, стихи 22-23. Б. Негативное состояние творения, стихи 24-26. Б'.

Позитивное представление творения, стихи 27-29. И А'. Прославление мудрости истоков человечества.

Опять же, проступает отождествление Вальтке мудрости с учением в Притчах, стихи 22-31, по его мнению, цитата, возносящая учение Соломона на запредельную высоту, конец цитаты. По мнению Вальтке, стихи 22–31 имеют три функции. Во-первых, демонстрация предсуществования мудрости действует как свидетельство благородства, устанавливающее авторитет мудрости в обучении.

Во-вторых, демонстрация всеобъемлющих знаний мудрости для установления способности мудрости преподавать. И, в-третьих, повествование о радости мудрости творческому деянию Бога утверждает действенность учения мудрости. Говоря словами Дерека Киднера, цитирую: единственная мудрость, с помощью которой вы можете обращаться с повседневными вещами в соответствии с их природой, - это мудрость, с помощью которой они изначально были божественно созданы и упорядочены.

Что касается восторга персонифицированной мудрости, Вальтке больше сосредоточился на восторге персонифицированной мудрости от космического порядка в целом. Цитата: способность мудрого правителя ослаблять социальный порядок соответствует ее собственному восторгу от Божьих указов, которые упорядочивают космос, конец цитаты. На мой взгляд, это не отражает всего аспекта наслаждения мудростью и не учитывает мотивационное воздействие наслаждения мудростью на человечество.

Тот факт, что в созданном порядке единственным объектом ее восторга выделяются люди, сильно подчеркивает ее безудержный энтузиазм и огромную привязанность к человеку. Подразумевается, что ее намерения безудержно позитивны, а ее учение изображается как полностью надежное. Она желает добра человечеству.

Таким образом, воздействие утверждения о восторге персонифицированной мудрости творением и человечеством является высоко мотивационным именно потому, что это утверждения, относящиеся к отношениям. И я хочу сказать несколько более подробных слов о стихе 22, который, конечно, является одним из классических текстов в ранних христологических интерпретациях Притчей 8 в ранней церкви. В стихе 22 говорится, что приоритет мудрости перед творением не только временный, то есть прежде, но и качественный, то есть, возможно, рожденный, а не созданный.

Мы вернемся к этому через минуту, когда вернемся к значению глагола кана в этом стихе. Я как бы хочу сжать это, возможно, еще немного и не говорить всего, что можно было бы сказать о значении кана, отчасти потому, что кое-что из этого я уже рассмотрел ранее в лекции. Здесь я просто хочу сказать, что, по моему мнению, значение кана здесь является одновременно продолжением метафорической идеи приобретения, а также ее расширением.

Мне действительно кажется, что вполне возможно, что понятие рождения, рождения на самом деле, а также коннотация создания (все это переводы, предложенные для этого глагола, особенно здесь, в 8.22), находятся на уровне самое минимально возможное. Итак, что я хотел бы здесь сейчас утверждать, так это то, что на самом деле в этом весьма метафорическом или, я бы даже сказал, гиперметафорическом самовыражении существования, движений и идентичности мудрости в первобытные времена намеренно двусмысленно. Таким образом, в раннем контексте монолатеральной израильской веры идея мудрости, приобретаемой Богом или создаваемой или используемой Богом, полностью соответствует с догматической или систематической богословской точки зрения.

Но другие значения скрыто присутствуют благодаря многозначности этого глагола. Вальтке был убежден, что этот отрывок олицетворяет мудрость и применяет образы рождения к ее зарождению. Однако Вальтке сразу же предостерег от того, что он считал двумя серьезными типами ошибок в истории интерпретации этого отрывка.

Первое — это понимание персонифицированной мудрости как буквального потомка Бога. Цитирую: Буквальное политеистическое толкование, включающее Господа и сексуального партнера в процесс зарождения мудрости, в этой книге

немыслимо. Метафора «родила меня» означает, что вдохновенная мудрость Соломона исходит из сущности Бога.

Это откровение имеет органическую связь с самой природой и существом Бога, в отличие от остального творения, которое возникло вне Его и независимо от Его сущности. Вторая ошибка устранена в важной сноске, приложенной к этой цитате. И снова цитата Вальтке.

Представление о том, что мудрость рождается вечно. Извините, я просто повторяю это. Произошла ошибка при вводе. Представление о том, что мудрость рождается вечно, основано на христианской догме, а не на экзегезе.

Стихи с 22 по 26 представляют происхождение мудрости как единовременное событие и действие, а не как вечное рождение и/или вечное вступление во владение. Августин, Кальвин и другие заблуждались в том, что ошибочно истолковывали мудрость как ипостась Бога, которую они приравнивали к Иисусу Христу, а не как олицетворение мудрости мудреца. Я хочу сделать несколько комментариев по этому поводу со своей точки зрения, особенно, опять же, в отношении более полного внимания к влиянию метафор.

В стихе 22, когда мудрость говорит, что Господь создал меня в начале Своей работы, слово, переведенное здесь как начало, опять же, является словом *решил*, которое мы уже обсуждали несколько лекций назад. Оно может иметь четыре разных значения, а может быть и больше. Во-первых, вовремя.

Это, кстати, любимое значение Вальтке. Во-вторых, важно качество, то есть лучшее в серии. Выбор, главный или главный.

В-третьих, первое в принципе. И затем четвёртый, первый по мужеству, в смысле первенца. Когда мудрость говорит, что она была создана в начале его творчества, это буквально переводит начало его пути.

Вероятно, на самом деле оно имеет свой обычный смысл как метафора поведения с более конкретным смыслом деятельности или трудов. Мудрость рождается, приобретает, создается или все три из них, как самое раннее из деяний Бога, а не Его мужественность. Это произошло в далёком прошлом.

А поскольку персонифицированная мудрость является частью его дел, то фраза отличает мудрость от Господа, как и остальные отрывки отличают ее от остального творения, как справедливо отмечает Вальтке. Если мы посмотрим на стих 23, то увидим, что давным-давно я был поставлен прежде начала земли. Слово, переведенное давным-давно в Новой пересмотренной стандартной версии, — это еврейское слово « олам », которое иногда, особенно в отношении Господа, может относиться к вечности, но обычно и чаще всего означает самое

отдаленное прошлое или будущее, если только, как я уже сказал, оно уже применяется к постоянству Бога, обозначая вечность.

И здесь, кажется, оно обозначает начальную точку крайней конечной точки, *arg quo*, самого отдаленного прошлого, относительного понятия, или, лучше сказать, относительных временных рамок. Опять же, Вальтке, мудрость не претендует на вечность, поскольку речь идет о времени ее рождения. Только в богословском контексте, где Бог считается существующим до всякого начала, можно понимать, что «*me olam*» — «из вечности».

Еще хочу прокомментировать 24 стих. Когда не было глубины, я был выведен. Когда не было источников, я был в изобилии водой.

Фраза, переведенная как «Я был рожден», использует на иврите глагол *qul*, означающий корчиться во время родов. В активном наклонении глагол обозначает, как мать корчится в родах, начиная с первых схваток и прекращаясь лишь с выходом ребенка из ее тела. В пассивном наклонении оно относится к родам с точки зрения новорожденного, часто в метафорическом контексте, как, например, в Псалме 139, стих 13.

Здесь, а также в своей хиастической параллели в стихе 25б, оно метафорически описывает рождение персонифицированной мудрости с ее собственной точки зрения. Хотя Бог является агентом глагола, подразумевая тем самым его роль матери, эта неявная смена пола редко, если вообще когда-либо, занимала экзегетические умы. Вальтке правильно заметил, что эта цитата, несомненно, выражает предложенную в 22 стихе метафору рождения Каны, одну из многозначных возможностей глагола.

Это, на мой взгляд, подтверждает, что аспект рождения действительно выражен в стихе 22. Однако это не означает, что семантический диапазон Каны - приобретать, владеть, создавать, рождать, рождать - должен поэтому ограничиваться только аспектом рождения. Другие коннотации остаются присутствующими и обогащают смысл того, что говорит здесь мудрость.

Вальтке повторил здесь свое утверждение о том, что, цитирую, в этих текстах не подразумевается никакая мифологическая реальность, поскольку у Господа нет супруги, а без партнерши-женщины мифологическая реальность невозможна. Как бы то ни было, я думаю, даже начинать спорить по этому поводу – дело странное и происходит только потому, что переводчики слишком быстро уходят от метафоры. В метафоре говорится, что мудрость пришла в родах, будучи рождена Господом, но в метафоре Господь трактуется как женское божество, как мать мудрости.

Даже несмотря на то, что сама мудрость, конечно, продолжает относиться к Богу как к мужскому божеству, Богу Израиля. И так, перед нами действительно метафорическое описание, которое не следует понимать буквально. Да, используются образы рождения, но это не делает Бога женщиной и не означает, что Бог внезапно становится супругом или супругом.

Это было бы чрезмерным толкованием метафоры. К тому времени, когда мы дошли до стиха 29, мудрость сместила живописные изображения сотворения мира, сосредоточив все более узкое внимание на месте человечества в нем. И так, вода теперь отделена от обитаемой земли, которая охраняется, и стандартная версия переводит стих 29 так, как будто он определил морю его пределы, чтобы воды не преступали его повеления, когда он отмечал основания земли.

Однако существует игра слов с поливалентным еврейским выражением. Это ограничение или указ, который появляется дважды. Фраза, когда он назначил, когда установил для моря его постановление, аналогична второму употреблению в конце стиха, когда он постановил основания земли.

Фраза и вода не могут выйти за пределы его повеления буквально изрекают, что метонимия поднимает ту же мысль, что и в Иов 38.11, и поэтому повторение, и что создатель установил неизменные законы или постановления, которые устанавливают границы для земли, которые враждебное море не может преступить. Это снова взято из Вальтке. Я трачу на это так много времени, потому что идея божественного указа, возможно, на самом деле привела к отождествлению персонифицированной мудрости с божественной Торой, письменным проявлением божественных указов в другой еврейской литературе.

Например, в Бен-Сире. Теперь я перехожу к стихам с 30 по 31. Здесь мудрость говорит, что тогда я был рядом с ним, как мастер-труженик, и я ежедневно был его радостью, радуясь перед ним, всегда радуясь его обитаемому миру и восхищаясь человеческим родом.

Я прочитал это в новой исправленной стандартной версии, но, как мы увидим, есть несколько других возможностей перевода этих стихов. Слово, переведенное как «мастер-рабочий» в новой пересмотренной стандартной версии, представляет собой еврейское слово «Оман», которое является очень редким словом, и часто, как это часто бывает с редкими словами, мы не всегда уверены в том, что именно они означают. И действительно, Оман может означать «постоянно», но также может означать «ремесленник».

Оно может означать и быть изменено на «Амон» как страдательное причастие глагола «Оман», а затем означать «заботиться». И отсюда некоторые люди

предполагают, что значение этого слова может быть связано с подопечным или няней. Есть также ряд других возможностей, и мы вернемся к этому через мгновение.

Вальтке признает, что «опека» или «няня» на самом деле могут быть уместны в контексте, но у него есть ряд причин, почему это, вероятно, не так. Во-первых, если бы это слово воспринималось как существительное, мы ожидали бы женскую форму, как в активном причастии женского рода Kal, Ominet, медсестра или медсестра или что-то в этом роде. Это менее чем убедительно, поскольку «няня» относится к тому, кто кормит грудью кого-то другого, а «няня» относится к тому, кого кормят грудью.

Интерпретация Фокса представляет собой вариацию на эту тему. Он утверждал, что эта форма представляет собой абсолютный кал-инфинитив со значением «подниматься» или «взрослеть». В пользу интерпретации Фокса говорит тот факт, что она не требует ни текстовых исправлений, ни женской формы и пользуется поддержкой более ранних авторитетов, таких как ранние еврейские комментаторы Ибн Джана и Моше Кимчи.

Однако Вальтке увидел грамматические проблемы. В частности, инфинитив Kal активен со значением повышения, а не с обязательным пассивным залогом, который мог бы быть выражен основой Nifal. Другой аргумент Вальтке против этой интерпретации не имеет большого веса.

Он говорит: утверждение Мудрости о том, что, будучи маленьким ребенком, она с восторгом радовалась творческой работе Господа, не делает ее утверждение о том, что она обладает серьезным авторитетом, очень заслуживающим доверия. Идея серьезного авторитета бесполезна. Это также не означает, что самописание Уиздом как игривого маленького ребенка подрывает ее авторитет.

Скорее, описание ребенка в младенчестве отмечает ее как древнюю и, следовательно, авторитетную в настоящее время речи Мудрости сейчас, а ее игривое восхищение творением Бога отмечает ее как доброжелательную по отношению к человечеству и, следовательно, заслуживающую доверия. Четвертое значение слова «Оман» заключается в том, что оно означает «верно». Эта интерпретация принимает это слово как абсолютный инфинитив Кала от Омана 1 как твердое или верное, и это представлено некоторыми греческими переводами Симаха, Теодотиона, а также Таргума, которому следуют ряд современных комментаторов.

Интересным аргументом в пользу предпочтительного варианта Вальтке при представлении параллельных элементов в масоретском тексте является рассмотрение этой фразы как тройной параллели. И я был рядом с ним

преданно и радовался ежедневно, празднуя перед ним во все времена. По мнению Вальтке, день за днем добросовестно подчеркивает и проясняет предыдущий период полураспада.

На мой взгляд, связь двух выражений из ушедшей эпохи с синонимическим параллелизмом, точный параллелизм не имеет большого значения. Хотя параллель между наслаждением и празднованием перед ним очевидна, связь этих двух выражений рядом с ним отдаленна. Хотя верность может восприниматься как связанная по смыслу с повседневной и всегда, если верность необходима.

Вальтке пришел к выводу, что, хотя все эти интерпретации возможны и имеют историческую поддержку, последняя интерпретация лучше всего соответствует более широкому контексту стихов 22–31 и непосредственному контексту стиха 30. Вальтке также выразил словами то, о чем идет речь. Цитата Одно дело быть инструментом в руках творца.

Совсем другое – быть тем, кто встает и выполняет работу. И мы видим, что действительно существуют богословские последствия, вытекающие из идеи мудрости как независимого субъекта, способствующего достижению творения. Вальтке считал, что интерпретация Омана как ремесленника может найти поддержку в Притчах 3.19, где Бог использовал мудрость в качестве посредника в творении.

Но, скорее всего, это означает, что мудрость была его инструментом. Но поскольку мудрость персонифицирована и говорит о себе, из этого ясно следует, что она считает себя не инструментом, а соавтором. Ван Леувен в своем комментарии утверждал, что самовосхваление Энки, шумерского бога мудрости Энки и мирового порядка, где он изображает себя ремесленником и советником божественного царя Ану, является точной концептуальной параллелью мудрости как архитектора-советника Господа через которого царь Господь приводит все в надлежащий порядок.

Конец цитаты. Вальтке представил краткий список аргументов против интерпретации слова «ремесленник». Мы процитируем этот отрывок полностью, поскольку он объединяет все основные аргументы в одном пункте.

Я цитирую, помимо отсутствия хорошей лексической поддержки, интерпретация мастера контекстуально распространяет послание Притчей 8, 22–29 о том, что Господь является творцом всего сущего и творцом мудрости. Утверждение о том, что она на самом деле ремесленница, возникло бы неожиданно, ни с того ни с сего, а затем столь же неожиданно было бы отброшено. До этого момента в своих аргументах мудрость приводила к тому, что ее доводы имели серьезный авторитет, заявляя, что она была рождена

Богом до того, как творение появилось на свет, и присутствовала в то время, когда Господь утвердил небеса, море и землю.

Если бы она намеревалась представить себя в качестве активного участника творения, можно было бы ожидать, что она внесет настолько важный вклад в свои аргументы, что она будет знать все, потому что она спроектировала и/или создала их, и поэтому люди должны ее слушать. Кроме того, эта интерпретация предлагает плохую параллель с удовольствием, игрой, празднованием или танцами в его работе. От этой интерпретации можно было бы ожидать чего-то вроде обучения, беседы, творчества и тому подобного.

Наконец, было бы уникально и противоречило бы еврейской поэзии, если бы женская мудрость описывала себя мужским образом, если только кто-то не утверждает, что это неподтвержденное эпиценовое существительное. Теперь я вернусь к тому, что такое эпиценовое существительное, через несколько минут. Но позвольте мне просто прокомментировать и отметить несколько моментов.

Поскольку это слово встречается только здесь, слово *oman*, *hax* *legomenon*, по определению является эпиценовым, если оно является существительным. Эпицен в данном контексте означает, что он может относиться как к женщине, так и к мужчине одновременно. Итак, это не существительное, и грамматически оно является существительным мужского рода, существительным мужского рода, но оно может относиться и к представителю женского рода того класса, который оно описывает.

Вот что значит говорить об эпиценовом существительном. В конечном счете, конечно, потому, что это редкий технический термин для архитекторов, и женщин среди них не было. Однако эпиценовое использование профессиональных обозначений было повсеместным для большинства языков на протяжении большей части истории человечества.

Еще один хороший способ представить проблемы — провести различие между тремя различными интерпретациями роли персонифицированной мудрости в Притчах 8.30. Во-первых, олицетворенная мудрость была независимым агентом творения, действовавшим с определенной степенью независимости от Бога. Во-вторых, Бог является творцом, но он использовал олицетворенную мудрость в качестве своего агента для создания мира. В данном случае мудрость была сотворцом Бога.

И в-третьих, мудрость — это чисто литературное олицетворение божественного свойства мудрости. Бог использовал свою мудрость как инструмент для создания творения. Теперь я хочу сделать несколько комментариев по поводу восхищения.

Что означает этот загадочный термин? Кто от чего в восторге? Как мы видели в новой пересмотренной стандартной версии, я радовался ему ежедневно. И так, в данном случае именно Бог наслаждается мудростью. Но, конечно, могло быть и наоборот.

Это могла быть мудрость, наслаждающаяся Богом, или мудрость, наслаждающаяся тем, что создается либо Богом, либо Богом и ею вместе. Уолтер отверг эту интерпретацию на основании строгого понимания параллелизма в стихе 30. Он говорит, что хиастический параллелизм в 8.31b опровергает эту интерпретацию и показывает, что действующим лицом является мудрость.

Как я показал в другом месте, параллелизм не означает, что утверждения в параллельных строках означают одно и то же. Поскольку три частичные строки в стихе 30 и две другие полустроки в стихе 31 образуют комбинацию внутрilineйного и подстрочного параллелизма, в результате чего образуются пять параллельных частичных строк, лучше всего рассматривать все эти стихи вместе. И я просто приведу их сейчас в своем переводе, разделенном на пять параллельных частичных строк.

Послушай это. Тогда я был рядом с ним, то ли преданно, то ли как мастер, то ли как маленький ребенок. И я радовался ежедневно, радуясь пред Ним всегда, радуясь Его обитаемой земле, и радость моя была человечностью.

Здесь происходит много радости. Эти два стиха полны целенаправленной, намеренной двусмысленности. Три термина, сопоставленные с тем, где я говорю добросовестно, как мастер, как маленький ребенок, в первой частичной строке, представляют собой, на мой взгляд, многозначную игру слов.

Я вернусь к этому через минуту. А вторая частичная строка намеренно расплывчата. Таким образом, наслаждения относятся к радости самой мудрости или к радости Бога, в ней.

Существуют контекстуальные индикаторы в пользу обоих ответов. Первоначально самые сильные параллельные отношения могут восприниматься между частичными линиями со второй по пятую, поскольку во всех четырех упоминается термин, обозначающий радость. В последних трёх из них мудрость ясно обозначена как тот, кто совершает празднование, а не Господь.

В традиционном понимании параллелизма, которое идентифицировало бы эти линии как синонимические параллелизмы, это предполагало бы, что мудрость — это также тот, кто радуется второй частичной линии. Однако есть три

причины, которые говорят об обратном. Во-первых, как я показал в другом месте, параллелизм характеризуется не только сходством, но и вариациями.

Мы уже касались этого в предыдущих лекциях. Во-вторых, в этих частичных линиях есть и другие виды параллелей и другие измерения параллелизма, которые указывают в другом направлении. Параллели в стихах с 30 по 31 распространяются на все два стиха.

Следовательно, три из пяти частичных строк в двух стихах содержат местоименный суффикс, антецедентом которого является Господь. Это может означать, что такой суффикс следует добавить во вторую часть строки, что приведет к Его радости. Или это предполагает, что наслаждения следует истолковывать как наслаждение Господа в мудрости.

В результате получится серия из четырех частичных строк в непрерывной последовательности, в которых упоминается Господь. С другой стороны, если частичные линии со второй по пятую образуют особенно тесную последовательность параллельных частичных линий, как показывает хаотическая последовательность терминов, относящихся к радости: А радуется, Б радуется, Б радуется, А радуется, тогда Тот факт, что и вторая, и пятая неполные строки не имеют местоименного суффикса, предшественником которого является Господь, предполагает, что во второй частичной строке действительно радуется мудрость. Ты все еще со мной? Мне очень весело это делать.

Но, конечно, как вы можете видеть, это очень, очень сложные вопросы интерпретации. И именно поэтому в предыдущей лекции я говорил о том, что когда мы добираемся до таких гениальных, невероятно метафорических и богословски богатых отрывков, нам действительно нужно работать с должным усердием. И нам необходимо обладать достоинствами тщательного, терпеливого экзегетического внимания к деталям в сочетании с более широким взглядом на целое и вниманием к эстетической красоте поэзии как поэзии.

Чтение отрывка умело и творчески. Чтение с воображением не означает причудливого чтения, а чтение с вниманием как к деталям, так и к мелочам отрывка, а также с перспективой на всю главу и более широкий контекст Притчей с 1 по 9. А теперь я хочу немного сосредоточиться. немного больше о самой идее радости, ликования и празднования. Радоваться и танцевать перед Богом — это, по мнению Вальтке, культовое действие.

Немецкий комментатор Арндт Мейнхольд последовал примеру Отто Келя, другого немецкого ученого, и его интересного предложения о том, что олицетворенная мудрость изображается здесь параллельно с египетскими богинями Маат и Хатор. Эти два женских божества, как показал Кель, играли

роль резвящихся и подстрекающих других богов. И следовательно, Мейнхольд предположил, что персонифицированная мудрость поддерживала Бога во всей деятельности, связанной с творением, игрой и резвостью перед ним, таким образом, что она вдохновляла и радовала его, чтобы усилить его творческую активность.

Мейнхольд пришел к выводу, что, следовательно, персонифицированная мудрость изображается не в виде кормилицы, а в виде молодой и красивой женщины. Вальтке отверг эту интерпретацию, поскольку, по его словам, вчитывание в этот текст языческого представления о том, что мудрость молодой и красивой женщины сексуально побуждала Господа к творческой деятельности, к творческой деятельности посредством танца и игры, не соответствует антимифическому уклону библейских текстов. Мысль Мейнхольда, однако, не предполагал какого-либо сексуального аспекта в восхитительной пьесе Уиздома.

Более того, возможность того, что на изображение персонифицированной мудрости повлияли роли Маат и Хатор, не обязательно означает, что все или даже большинство ассоциаций, связанных с этими двумя божествами, были автоматически переняты некритическим образом. Я думаю, нам нужно остановиться здесь на минутку. Итак, спасибо, что позволили мне небольшой перерыв.

Теперь я хочу прокомментировать фразу «обитаемый мир» в стихе 31, чтобы завершить этот раздел главы 8. По мнению Вальтке, это синекдоха для всего творения и предполагает, что целью творения был мир, пригодный для человечества. Общий смысл стихов с 30 по 31 заключается в том, чтобы продемонстрировать радостное участие мудрости в каждом этапе творения, когда она раскрывала свою радость, достигающую своего пика с появлением человечества на заключительных стадиях формирования вселенной, когда оно было полностью подготовлено для человеческого обитания. Вальтке справедливо заметил, что явный акцент на радости мудрости над человечеством в Н31b представляет собой кульминацию самовосхваления мудрости.

Упоминание о человечестве, буквально о сынах человеческих, в начале и конце самовосхваления Мудрости образует рамку вокруг всей части ее речи и формально сигнализирует о том, что все содержание самовосхваления Мудрости служит повышению ее ценности для людей, таким образом обеспечивая подходящий переход к последнему обращению мудрости к людям в стихах с 32 по 36, где она теперь напрямую обращается к людям и говорит, и теперь мои дети слушают меня. Счастливы те, кто следует моим путям, и так продолжается. С прагматической точки зрения стихи с 32 по 36 образуют кульминацию речи мудрости, используя всю эту мудрость, олицетворенную

мудрость, сказанную о себе, как мотивацию для обращения к своим детям слушать ее и подчиняться ей, чтобы стать мудрыми, ища знакомства с ней. пока они не найдут ее, потому что найти ее — значит обрести жизнь, а отвергнуть ее — значит умереть.

Прагматическая цель заключения приводит к явному сдвигу, но оценка Вальтке того, что персонифицированная мудрость меняет ее личность, обстановку и адресатов, почти отделяет заключение от основной части лекции, и я с этим не согласен. Вот резюме Вальтке. Она заменяет свой образ Посредницы у городских ворот, обращающейся к массам, и изначальной фигуры рядом с творцом, на образ хозяйки дома, обращающейся к сыновьям и приглашающей их нести бдение у ее дверей, чтобы найти ее». на мой взгляд, однако, сдвиг заключается в том, что послание мудрости переходит от приглашения в стихах с 1 по 31, в котором она описывает ценность своего учения, стихи с 4 по 21, подтверждая его ценность своими полномочиями как доброжелательного старшего брата человечества с первобытных времен. в стихах 22–31 говорится о ее возвращении в свой дом, чтобы приготовить пир познания для тех, кто примет ее приглашение.

В отличие от Вальтке, исходящий ход первой части ее речи с самого начала был рассчитан на то, чтобы превратиться в приглашение принять публику в качестве гостей в ее собственном доме. Правда, теперь мудрость обращается к своей аудитории как к детям, буквально к сыновьям в стихе 32. В отличие от более общих обращений к людям, людям, незрелым и глупцам в стихах 4–5. привязанность, а не переход от одной аудитории к другой.

Мудрость изобразила себя в лекции не просто как первоначальную фигуру и авторитетную посредницу, как, кажется, думает Вальтке, но и как ласковую и счастливую старшую сестру человечества. Правда, теперь мудрость находится внутри своего дома, а не в различных горячих точках города. Однако происходит переход от активного набора персонала и приглашений к гостеприимному приему.

Вместо перехода от открытой перспективы к внутренней. Однако, согласно одному из значений игры слов в стихе 30, олицетворенная мудрость в Притчах 8, казалось, изображала себя старшей сестрой человечества, подчеркивая не только ее величие и высшее знание, но и ее глубокую привязанность к человечеству. Теперь она обращается к человечеству в образе матери.

Таким образом, кульминационно характеризуя ее чувства к людям как материнскую любовь. Притчи 8.32 — это первый и единственный случай, когда олицетворенная мудрость, обращаясь к своей аудитории как к детям, идентифицирует себя как мать человечества. Поскольку выражение по определению метафорично и образно по смыслу, эта формулировка не

подразумевает, что Уиздом мнит себя реальной кровной родственницей своей аудитории.

Это выражение также не означает, что олицетворенная мудрость играет роль изначального материнского божества, как утверждают некоторые. Скорее, упор делается исключительно на искренность и надежность ее привязанности к человечеству. В этом заключается влияние метафоры.

Нам нужно придерживаться самой метафоры, а не пытаться интерпретировать ее во что-то еще. Интересный вопрос заключается в том, приводит ли этот призыв на самом деле персонифицированную мудрость в соответствие с родительским учением. Вальтке утверждал, что существует интертекстуальная связь с предыдущей лекцией отца.

Он говорит, что ее первые слова, так что теперь, сыновья, послушайте меня, и ее последнее слово, смерть, точно соответствовали заключению отца в предыдущей речи в главе 7. Это побудило его подтвердить свое частое отождествление позднейшей мудрости как олицетворения учение отца. Цитирую: эта точная интертекстуальность между двумя великими парными стихотворениями в главах 7 и 8 еще раз подтверждает, что женщина-Мудрость олицетворяет мудреца и его учение. Конец цитаты.

По мнению Вальтке, слушать женскую мудрость и мудреца — это одно и то же. Другие наблюдения придают дополнительный вес утверждению Вальтке. Во-первых, призыв олицетворенной мудрости в 8.32 представляет собой не ее первые слова, а первые слова в заключительной части ее речи, что усиливает сходство между двумя соседними уроками, поскольку сходства расположены в схожих позициях в соответствующих контекстах.

Во-вторых, обращение персонифицированной мудрости к человечеству как к сыновьям метафорически подразумевает статус мудрости как родителя, хотя и не отца, который, возможно, столь же метафорически олицетворяет традицию мудрости и представляет учение мудрецов. Но мать, чьим учениям зрители книги, как в единственном, так и во множественном числе, должны подчиняться. Предположение Вальтке о том, что призыв мудрости к слушателям следует слушать, вероятно, относится к следующему сборнику пословиц и поговорок в главах 10–31, поскольку мудрость не дала ни одного упрекающего слова в ближайшем контексте, является неоправданным буквализмом, особенно с учетом того, что вся глава в Притчах 9 находится между ее речь здесь и в других сборниках.

Скорее всего, призыв слушать относится ко всей речи олицетворенной мудрости и, возможно, ко всей полноте Притчей 1-9 и, возможно, даже ко всей традиции мудрости, представленной не только в этой книге, но и в традиции мудрости

Израиля в целом. Наконец, каково значение метафоры ожидаемого наблюдения в главе 8, стихе 34? Счастлив тот, кто слушает меня, ежедневно наблюдая у моих ворот, ожидая у моих дверей. Это не просто усиливает повеление слушать как определенное место, где аудитория мудрости должна внимательно наблюдать, а именно данные врата и двери мудрости.

Предлагались разные объяснения того, чего ждут сыновья. Роял предпочитает обучение хозяйки, допуск в целом или в качестве поклонников мудрости. Однако кажется, что любая речь, в которой конкретные идентификации весьма проблематичны и перегружают различные метафоры.

Например, идея персонифицированной мудрости, поощряющей многочисленных поклонников-мужчин неявным обещанием возможного доступа, будет равнозначна открытой проституции или, по крайней мере, явному проявлению культурно неприемлемого сексуального поведения, явно непреднамеренного в данном контексте. Скорее, метафору нужно поддержать, а не растворить в прозаической интерпретации. Метафора продолжается в следующей главе, девятой главе, и предусматривает вход во дворец мудрости в контексте приглашения на пир персонифицированной мудрости, которое публикуется в девятой главе.

Думаю, мы снова остановимся здесь ненадолго. Теперь мы переходим к девятой главе, девятой главе Притчей. Особенно стихи с первого по шестой, но также и стихи с одиннадцатого по двенадцатый.

На первый взгляд кажется, что 9-я глава Притчей делится на три части. Стихи с первого по шестой о женской мудрости, стихи с седьмого по двенадцатый представляют собой стандартные наставления по мудрости, а затем стихи с тринадцатого по восемнадцатый о женской глупости. Стихи с седьмого по десятый и двенадцатый, кажется, неловко прерывают сопоставление двух персонификаций женской мудрости, с одной стороны, и женской глупости, с другой, так что многие видят в них второстепенные вставки.

Однако в своем нынешнем положении он может выполнять важную функцию. Во-первых, материал стихов с седьмого по двенадцатый с сочетанием увещеваний и высказываний напоминает учебный материал в Притчах с первой по девятую и преимущественно пословичный материал в следующем сборнике, Притчи с десятой по тридцать первую. Во-вторых, хотя стихи с седьмого по десятый и двенадцатый кажутся общим советом мудрому учителю и провозглашением ценности мудрости, одиннадцатый стих явно продолжает мысль и, таким образом, олицетворяет мудрость стихов с первого по шестой.

Этот раздел, помещенный в конец сборника «Притчи с первой по девятую», служит для того, чтобы связать вводный материал открывающего сборника

открытой книги со следующим сборником отдельных пословиц путем сопоставления доминирующих литературных форм каждой из них. Таким образом, одиннадцатый стих делает материалы пословиц в Притчах с десяти первого по двадцать два, шестнадцать и последующие материалы частью учения о персонифицированной мудрости. Сборник наставлений и пословиц, увещевания и пословичные предложения вместе составляют то, что означает персонифицированная мудрость.

Вальтке красноречиво объясняет эту переходную функцию девятой Притчи, подчеркивая риторическое воздействие сложной метафоры. Цитирую: Представление мудрости, построившей свой дом и приготовившей свой пир, может образно представлять собой пролог, главы с первой по девятую, и сборники, главы с десятой по тридцать первую, соответственно. Дом, который является вступительным прологом, уже построен, и вот-вот начнется пир, о котором говорится в Притчах Соломона в следующих главах.

Ее посланники, то есть родители, были посланы, чтобы пригласить незаинтересованную и скучную молодежь поесть и выпить ее роскошную еду. Их сыновья уже ждут мудрости, чтобы открыть ей двери. Конец цитаты.

Образное чтение Вальтке, конечно, не единственно возможное чтение. Раймонд ван Леувен недавно продемонстрировал сходство между домом мудрости, израильским храмом и даже самим космосом. Опираясь на его прозрение и объединяя его с нашим открытием творческого потенциала метафоры мудрости, напрашивается прочтение, дополняющее Вальтке.

Действительно, идея дома мудрости может иметь мифологическую подоплеку. Со времен ассиро-вавилонских апсу подземный массив пресной воды обозначался как дом мудрости. Поскольку это царство бога Эа, Энки, один из эпитетов которого — «Владыка Мудрости», это действительно кажется вероятным.

Фокс и Вальтке утверждали, что эта мифологическая подоплека демифологизирована, и это кажется правильным. Однако это не означает, что мифологической основой можно или нужно пренебрегать. Скорее, преднамеренная аллюзия на мифологию, даже в ее очищенной форме, имеет два мощных риторических эффекта, первый из которых почти наверняка был намеренным.

Во-первых, мифологический намек добавил к изображению мудрости ощущение мистики и сверхъестественного чутья. Неизбежно возникает вопрос, является ли персонифицированная мудрость чем-то большим, чем просто фигурой речи, может ли она действительно иметь личное, возможно, сверхъестественное существование в реальном мире. Читатели на протяжении

веков охотно откликались на это риторическое приглашение, как наглядно демонстрирует история восприятия персонифицированной мудрости.

Во-вторых, этот и другие следы мифологии в изображении мудрости побудили многих современных ученых идентифицировать в персонифицированной мудрости очищенные рудименты различных древних ближневосточных божеств. Подобные научные представления, как правило, ошибочны. Однако важно прежде всего признать, что различные косвенные свидетельства мифологических предшественников указывают на различные божества с разным сходством из разных географических мест и разных периодов времени.

Не существует ни одного божества, которое соответствовало бы всем или хотя бы большинству мифологических аллюзий. На мой взгляд, это говорит о том, что цель мифологического материала в изображении мудрости не состоит в том, чтобы указать на то, что персонифицированная мудрость подобна или подобна тому или иному другому божеству. Те, кто взял на себя задачу обнаружить за олицетворенной мудростью древних ближневосточных богинь, отреагировали таким образом, который был непреднамеренным для авторов Притчей 1-9, и не смогли оценить творческое воздействие образов.

Опять же, опасность была и ловушка, в которую попали многие люди, заключалась в деметафоризации метафоры. Это также позволяет предположить, что мифологические индикаторы не являются следами, непреднамеренно оставленными нерадивыми синкретизаторами. Скорее, мифологические материалы являются преднамеренными указателями, указывающими читателю, что персонифицированная мудрость — это нечто большее, чем кажется на первый взгляд риторическому взгляду.

В оставшейся части этой лекции я хочу заняться более подробными и образными интерпретациями стихов 1, 2 и 3 главы 9, а затем мы подведем эту лекцию к завершению. Стих 1. Ученые обычно отмечают сходство между строительством дома мудростью в главе 9-1 и аналогичными утверждениями в Притчах 14-1 и Притчах 24-3. Ведутся оживленные споры о том, следует ли читать текст в 9-1b так, как она высекала его семь столпов, или же его следует читать так, как она воздвигла его семь столпов.

Для наших целей решение этой дилеммы несущественно. Однако важно то, что архитектурные образы указывают на то, что олицетворенная мудрость при ее подготовке возвела значительную архитектурную структуру. Вальтке справедливо заметил, что глагол «построить» обозначает процесс создания чего-либо посредством определенного типа мастерства.

И помните наше обсуждение значения Омана в стихах 30 и 31 главы 8. Точнее, мудрость изображается как архитектор. И этот образ хорошо перекликается с

платоновским Демиургом, мастером-творцом, и с развитием этого образа у Филона, архитектора-градостроителя, в некоторых его сочинениях о мудрости. Последовательность строительства, забоя, приглашения и пиршества посредством еды и питья в Притчах 9 — еще одна запоминающаяся текстовая жемчужина.

Поскольку многочисленные древние и новейшие тексты связывают освящение зданий с обильным пиршеством (обычай, повсеместно распространенный по всему земному шару на протяжении веков), приглашение олицетворенной мудрости изображается как раздаваемое по случаю посвящения дома, вероятно, завершения Притчей 1 к 9. Деталь того, что дом Мудрости имеет семь колонн, одинаково запоминается и стимулирует воображение комментаторов древних и современных. В художественной литературе Притчей 9 число семь символизирует совершенство. По крайней мере, это говорит о том, что дом Уиздом представляет собой величественное здание, подходящее для ее известной хозяйки и множества гостей, которых она ожидает.

Фокс, в соответствии со своим общим подходом, ориентированным на первоначальный смысл, преуменьшает значение деталей в описании. Цитата: Детали сцены не имеют значения по отдельности, но вместе они показывают, что мудрость может многое предложить и стремится сделать это. Слушать мудрость, жить в ее доме и вкушать ее еду и вино — это разные способы представить себе всю жизнь, полную знаний.

Конец цитаты. Он хорошо уловил, по крайней мере, основную цель первоначально задуманной риторической функции изображения. Щедрость олицетворенной мудрости и практическое значение образов банкета, ночлега и пиршества равны учению.

Однако и здесь прозаический парафраз оказывается бледной заменой реальности. И минималистские интерпретации символического значения образов, как у Вальтке, так и у Фокса, в конечном итоге являются редукционистскими. Это можно увидеть наиболее ясно в оценке Фоксом многих символических интерпретаций на протяжении веков.

Он составил интересный список символических прочтений числа семь. Конец цитаты. Идентификации включают семь способов восприятия творца.

Это Рикам . Первые семь глав Притчей Хитциг утверждает, что они были вписаны в семь письменных колонок. Затем семь допотопных мудрецов или Апкаллу из вавилонской мифологии, то есть Гринфилд.

Или семь небосводов или семь земель, согласно Притчам Мидраша. Или семь планет или семь дней творения. А затем семь таинств церкви или семь даров добродетелей Святого Духа, так Делич.

Или семь буквальных искусств. Поучителен вердикт Фокса по поводу этих показаний. Цитата, все подобные расшифровки произвольны и не подкреплены контекстом.

Конец цитаты. Вальтке, перечислив многие из этих и несколько других интригующих интерпретаций, включая различные довольно причудливые предложения, высказанные в недавних исследованиях, пришел к аналогичному выводу. Цитата: все эти интерпретации эйсегетические, а не экзегетические.

Конец цитаты. В результате этого мини-обзора интерпретаций создается впечатление, что интерпретация открыта для всех, в которой практически все, что встречается в группах по семь человек, может быть идентифицировано как столпы дома мудрости. Цель нашего перечисления этих интерпретаций, однако, состоит в том, чтобы показать высокую степень воображения, которое вызывали эти образы, хотя многие из них довольно причудливы.

Идентификации действительно в значительной степени произвольны и часто причудливы, но я считаю, что в отличие от Фокса и Вальтке они не совсем лишены контекста, поскольку упоминание числа семь появляется в контексте двух целых глав, насыщенных образными и символическими образами. язык. Ранее мы цитировали комментарий Фокса о том, что детали сцены не имеют значения по отдельности, но вопрос должен быть поднят. Цитата, если деталь о том, что есть семь столпов, не имеет значения, то зачем вообще указывать число и почему выбирают такое весьма символическое число? Конечно, утверждение типа «она высекала или установила много столбов» или любое другое число, превышающее три, достигло бы желаемого эффекта, если бы единственным намерением было дать сигнал о том, что дом Олицетворенной Мудрости был большим.

Таким образом, мы приходим к выводу, что толкователи на протяжении веков были побуждены более широким контекстом и спецификой числа семь искать скрытое значение в ссылке на семь столпов Мудрости, как это делают ученые и сегодня. Теперь я перехожу ко второму стиху. Забой во втором стихе, вероятно, относится к приготовлению мясных блюд в целом, а не к религиозным жертвоприношениям.

Интересно, что и строительные работы в первом стихе, и забой традиционно были мужскими занятиями. Описание приготовлений, особенно упоминание о специально приготовленном вине, вызывает предвкушение обильного и радостного пиршества в отличие от сравнительно скудного рациона,

предлагаемого персонифицированным безумием далее в главе, где все, что мы получаем, — это вода и еда. Предположение Вальтке о том, что ссылка на Мудрость, готовившую ее цитату из таблицы, означает, что притчи Соломона составлены наиболее удачно для удовольствия тех, кто их изучает, конец цитаты, имеет то преимущество, что различные отдельные метафоры во всей главе интерпретируются последовательным образом, который рассматривает различные метафоры, связанные с олицетворением Мудрости, как часть одной сложной концептуальной метафоры олицетворения.

Преимущество этого метода также заключается в наличии поддержки из контекста. Тем не менее, отождествление Вальтке праздника только с реальными сборами пословиц кажется слишком конкретным. Поскольку щедрая еда, предлагаемая на банкете Мудрости, явно относится к содержанию учения Мудрости, роскошная праздничная еда, которую она предлагает, включает в себя содержание учения и пословиц в целом, включая главы с первой по девятую, а также любое другое подлинное учение. и добродетели характера, которые олицетворяет Мудрость, включая учение мудрых родителей обоих полов и учение мудрецов в целом, будь то старейшины семьи или деревни или более профессиональные мудрецы, служившие советники в различных центрах общественной жизни, включая королевский двор.

Неудивительно, кстати, что более поздние христианские писатели последовательно видели здесь упоминания о Евхаристии, Вечере Господней. Любопытно, что Амвросий видит параллель даже с «Пирами» Платона. Цитата: Платон посчитал, что рассуждения об этой чаше следует скопировать в его книги.

Он призывал души пить из него, но не знал, как их наполнить, ибо давал питье не веры, но неверия. Конец цитаты. Если я правильно понимаю, Амвросий предполагает, что сам обычай Симпозиумов в философских диалогах Платона был скопирован с банкета Госпожи Мудрости.

Теперь я перехожу к третьему стиху. Вальтке и другие задавались вопросом, было ли в древней ближневосточной культуре уместно, чтобы хозяйка-женщина приходила сама, а не посылала служанок, чтобы пригласить гостей-мужчин. Мейнхольд, а затем Вальтке, указали на угаритскую легенду о короле Керете около 1400 г. до н. э., в которой король поручает своей жене приготовить еду и пригласить гостей.

Королева сообщает о завершении своей задачи следующими словами. Цитата: Есть, пить я тебя призвал. У твоего господина Керета есть жертва.

Конец цитаты. Вальтке заключил: «Даже королева могла бы выйти и пригласить мужчин на пир с безупречным приличным видом». Конец цитаты.

На мой взгляд, проблема возникает только потому, что повествовательная метафора теперь снова воспринимается буквально. Однако не было настоящей женщины по имени Мудрость, которая рекламировала бы свой товар по всему городу. Настоящих служанок, которые собирали бы потенциальных гостей, не было.

Скорее, публичный призыв персонифицированной мудрости представляет собой общий призыв, пронизывающий все общество через его мудрых членов. Чтобы молодые люди усвоили и приняли высшие ценности общества. Служанки представляют всех в обществе, кто активно заинтересован в поощрении молодого поколения к принятию высших идей и ценностей общества, представленных персонифицированной мудростью и обучаемых посредством обмена этими ценностями в древнем израильском обществе.

Уильям Маккейн, другой комментатор «Притчей», опроверг эту идентификацию. Цитата: Поскольку эти мудрецы не являются ни юношами, ни женщинами. Конец цитаты.

Вальтке справедливо отчитывает его за то, что, цитирую, он требует, чтобы аналогия ходила на всех четырех ногах. Конец цитаты. Но вердикт Вальтке применим ко всем, кто растворяет нарративную метафору в референциальном сценарии реального мира, в котором все детали расширенной метафоры должны найти подходящий реальный аналог, включая некоторые интерпретации самого Вальтке.

Комментарий Вальтке о том, что олицетворенная мудрость посылает служанок, а не мужчин, чтобы изобразить учителей, наслаждающихся максимально возможной близостью и близостью с мудростью (конец цитаты), правильно интерпретирует метафору из-за ее риторического эффекта, а не из-за предполагаемого, несуществующего, реального события. Возможно, отчасти это верно, но, возможно, это нечто большее, что я намерен продемонстрировать с помощью комментария Уильяма Маккейна. Маккейн, на мой взгляд, ошибочно предположил, что вся сцена в Притчах 9, 1–6 построена по образцу странной женщины из Притчей 7, 10–12, которую Маккейн определил как проститутку.

Таким образом, персонифицированная мудрость изображается как надуманная противоположность богине любви, а мотивы, связанные с богиней Астартой и ее приверженцами, перенесены на мудрость и ее служанок. Я не думаю, что за персонифицированной мудростью, изображенной в каком-либо из библейских текстов мудрости, стоит какая-либо реальная или конкретная богиня. Однако не исключено, что метафора намеренно привлекла различные черты традиционных божеств по риторическим соображениям.

Ее изображение включает в себя тонкие намеки, напоминающие женские божества, чтобы нарисовать олицетворенную мудрость в таинственном, почти божественном и, следовательно, притягательном и завораживающем свете, чтобы привлечь внимание молодых мужчин. Если это так, то ее служанки действительно могут символизировать настоящих женщин. Однако эти женщины не являются поклонницами культа или женскими божествами, а символизируют идеализированный образ молодых женщин, принадлежащих к уважаемым семьям в традиционном израильском обществе, которые были бы воспитаны в соответствии с ценностями, которые представляет олицетворенная мудрость, и, таким образом, являются ее служанки.

Другими словами, молодые люди, которые последуют приглашению персонифицированной мудрости, встретят в ее метафорическом доме молодых подходящих женщин, которые придерживаются ценностей мудрости. Или, говоря иначе, молодых женщин с уважаемым характером будут привлекать молодые мужчины, которые придерживаются ценностей Мудрости. Следовательно, молодые люди, желающие жениться на мудрых женщинах, изображенных в Притчах 31, 10–31, должны доказать, что они достойны тех женщин, которых они желают.

И способ доказать свою ценность — это следовать приглашению мудрости учиться и становиться мудрыми. Именно в этом смысле мудрые девушки являются олицетворенными служанками мудрости, которые приглашают незрелых молодых людей.

Это доктор Кнут Хейн в своем учении по Книге Притчей. Это занятие 7: Метафоры и персонифицированная мудрость, часть 2.